

ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ОТНОШЕНИЯХ БОННСКОЙ ШКОЛЫ ПСИХОЛОГИИ К С.Л. РУБИНШТЕЙНУ*

© 1999 г. Ханс Томе

Мое чествование в Московском университете имени М.В. Ломоносова связано с почти что 30-летним научным обменом, в котором наши интересы касались прежде всего работ С.Л. Рубинштейна и его учениц и учеников. Более чем 45 лет тому назад мой учитель, профессор Эрих Ротакер, бывший в то время директором Психологического института при Боннском университете, обратил внимание на “Основы общей психологии” С.Л. Рубинштейна. В этой книге содержались плодотворные идеи, касающиеся систематики в психологии в целом и отношения между общей психологией и психологией личности, в особенности. К сожалению, немецкий перевод был тогда недоступен. Он был изъят из обращения в восточном Берлине до его публикации вследствие пагубного политического развития в Москве, касающегося Рубинштейна и его направления. Только в 1958 году эта книга смогла появиться на немецком языке. Я отметил это в подробном обсуждении в 1959 году в “Ежегоднике по психологии и психотерапии”. Противоречие между Рубинштейном и другими представителями психологической антропологии, с одной стороны, и школой И.П. Павлова, с другой, были причиной задержки публикации “Основ” в Германии. Каждый интересующийся историей психологии в этом столетии принял участие в данной полемике.

Предпринятая Павловым редукция всех психических процессов к условным рефлексам низшего и высшего порядка рассматривалась частью советского руководства в качестве научной основы материалистического мировоззрения. Согласно одному из биографов Павлова, его эксперименты получили энергичную поддержку сразу же после Октябрьской революции. Принцип классического обусловливания, основанный на этих экспериментах, составлял и сегодня составляет основу импортируемых из США психологических теорий и терапевтических техник. Феномен сознания был либо совсем вынесен за скобки работ, или, по крайней мере, им пренебрегали. Существенная заслуга Рубинштейна состоит в том, что он неустанно указывал на единство сознания и деятельности. Павловская рефлексология упустила из

виду, что человеческое поведение и переживание нельзя объяснить ни биологическими условиями, ни самими что ни на есть сложными механизмами обусловливания. Поступок, контролируемый сознанием, представляет собой, согласно Рубинштейну, основную единицу психического события, которую, конечно же, нельзя понять без его общественной основы.

В 1954 году во время Международного конгресса в Монреале (Канада) учение Рубинштейна из Советского Союза было отодвинуто на задний план. На симпозиуме Конгресса, посвященном развитию советской психологии, выступали почти исключительно представители Павловского направления. Шестью годами позже на Международном Конгрессе в Бонне (1960) мы уже приветствовали нескольких представителей психологии деятельности (последователей линии Рубинштейна).

Так называемая “когнитивная волна” в психологии, возникшая в 60-е гг., как и принято в нашей дисциплине, считалась главным образом результатом работ американских авторов. В действительности же, в работах Рубинштейна и его учеников (как, например, А.В. Брушлинского и Л.И. Анцыферовой) можно найти важные свидетельства значительной роли когнитивной системы и конструкторов в человеческом поведении. Благодаря стажировке моего ученика д-ра Томаса Куссманна в Московском университете в 1966 г. и его пособничеству в обменах в последующие десятилетия, многие из этих знаний стали нам в Бонне доступны раньше, чем где-либо.

Что касается меня, то я считаю, что система С.Л. Рубинштейна является многообещающим началом в интеграции различных, если не противоречивых направлений в психологии. Важным и по сути еще недостаточно оцененным в этом отношении является его вклад в психологию личности. С одной стороны, его учение вмещает доктрину марксизма-ленинизма, согласно которой реальное бытие человека определяется его общественной функцией. Однако, с другой стороны, влияние этой общественной функции очень ограничено. Личность, как в конечном счете постулируется в “Основах”, покоится на способности человека выделять себя из своего окружения и

* Перевод с немецкого языка Т.А. Ребеко.

в умении тщательно выбирать то, что является существенным для поступка.

Эта антропологическая модель признает биологическую и социальную включенность человека, но одновременно в ней постулирует его способность дистанцироваться от этой включенности. Этим подвергается сомнению действенность теорий черт личности, прямо-таки множась в настоящее время в Европе, однако также и теорий социализации, в основе которых лежит принцип обусловливания. Данная посылка превосходит все интеракционистские модели личности.

Несмотря на свою переплетенность человека с генетическими и экологическими условиями, имеется свободное пространство для сознательного выбора и толкования человека. Мы попытались перевести эти мысли в эмпирическое исследование, изучая процессы решения (Thomae, 1960,

1974), значение когнитивных систем в качестве актуальных переживаний или постоянных убеждений (Thomae, 1968, 1996), рассматривая развитие женщин в профессии, в семье (Lehr, 1969, 1984). Существенный вклад в решение вопроса о том, что можно выяснить из напряжения между генетической и социальной детерминацией и вытекающего из этого противоречия, внесли Лотах Лаух и его ученики (г. Бамберг), Андреас Крузе (г. Грайфсвальд). Прежде всего мы надеемся, что использование данных междисциплинарного лонгитюдного исследования, посвященного развитию людей старшего возраста (ILSE) и начатого в 1993 г. в Гейдельберге, Лейпциге, Эрлангене и Ростке, внесет много нового в решение данной проблемы. Но еще больше мы надеемся на продолжение и углубление отношений между школой Рубинштейна и нашей рабочей группой.